

УДК 316.7
ББК 60.5

Е.И. БУЛАТОВА

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖНОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ В ПОСТСУБКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ТЕОРИЯ «НОВЫХ ПЛЕМЕН»¹

Рассматриваются способы концептуализации молодежной социальности в рамках постсубкультурной теории. Центральной идеей постсубкультурной парадигмы является недоверие к метанарративу «субкультура». Предметом исследования становится эвристический потенциал новейшего категориального аппарата, призванного заменить традиционное понятие «субкультура».

Ключевые слова: неоплемена, неотрайбализм, субкультура, субкультурный подход, постсубкультурные исследования, социология молодежи, стиль, молодежная социальность.

В настоящее время в зарубежных академических исследованиях, посвященных молодежным сообществам, проблематизируется понятие «субкультура» — подвергается сомнению возможность его дальнейшего применения для анализа современных форм молодежной социальности. Результатом этих дискуссий стало возникновение так называемой постсубкультурной парадигмы, в рамках которой субкультурный подход был раскритикован, а вместо термина «субкультура» были предложены новые способы концептуализации молодежных объединений и сообществ. Так, сегодня исследователи предпочитают говорить не о субкультурах, а о сценах («scenes») [1; 2], культурах вкуса («taste cultures») [3], стилях жизни («lifestyles») [4; 5], неоплеменах («neo-tribes») [6—8], «каналах» или «субканалах» («channels», «subchannels») [9], субпотоках («temporary substream networks») [10], «клубных культурах» («clubcultures») [11] или солидарностях [12; 13]. Эти понятия порой трактуются как взаимозаменяемые, в некоторых случаях авторы отстаивают используемый ими термин как обладающий бóльшим эвристическим потенциалом, чем остальные.

Цель данной статьи — проанализировать одну из наиболее разработанных постсубкультурных концепций, теорию новых племен («neo-tribes»), предложенную М. Маффесоли, проследить логику ее развития в работах Э. Беннетта, а также рассмотреть критику ее аналитических возможностей, осуществляемую сторонниками классического субкультурного подхода.

К истории субкультурных исследований

Истоками современных субкультурных исследований считаются две социологические традиции. Первая сформировалась в трудах представителей Чикагской социологической школы в конце 30-х годов XX столетия; вторая — в 1970-е годы появилась в Великобритании в

работах сотрудников Бирмингемского центра современных культурных исследований (Birmingham Center for Contemporary Cultural Studies, сокращенно — CCCS).

В центре внимания социологов Чикагской школы было изучение девиантного поведения молодежи, принадлежавшей к рабочему классу. Первыми значимыми работами в этой области стали труды Фредерика Зрашера и Пола Грессея. Ф. Зрашер анализировал отклоняющееся поведение участников мелких подростковых банд, вступавших в многочисленные конфликты, основными причинами которых были территориальные и этнические споры. Социолог пришел к выводу, что молодые люди, состоявшие в группировках (преимущественно дети иммигрантов), не были психологически нестабильными и не имели выраженных проблем, с которыми могли бы работать коррекционные педагоги или психологи. Основой для сближения подростков и формирования банд были простота установления контактов, задор совместных «опасных приключений» и «эмоциональное волнение» [14, р. 22].

Грессей исследовал причины девиантного поведения представителей бедных слоев городской молодежи, особенно девушек и женщин из среды иммигрантов. В юности они часто работали в качестве наемных танцовщиц (taxi dancers) для посетителей, пришедших в танцевальный клуб без пары. Эта временная работа, по его мнению, приносила им гораздо больший доход, чем труд в конвенциональных сферах занятости, выглядела более престижной, поскольку девушки ощущали причастность к «блеску» ночной городской жизни, а также являлась альтернативой незавидной перспективе подобно родителям всю жизнь работать на фабрике. Эти формы молодежной социальности (сообщества девушек taxi dancers и подростковые банды) Грессей и Зрашер описывали через призму конфликта между миром молодых людей и миром взрослых, а также подчеркивали принадлежность молодых людей к среде иммигрантов [14, р. 25].

В дальнейшем субкультурной проблематикой в США занимались многие исследователи. Наиболее известны среди них: Р. Мертон, разработавший ставшую классической теорию напряжения (strain theory), и его после-

¹ Статья написана при поддержке гранта РФНФ-15-33-01018.

дователь А. Козн, который успешно развил эту теорию и применил ее, предложив собственную трактовку сущности молодежных девиантных субкультур.

В центре внимания представителей Бирмингемского центра современных культурных исследований оказались поствоенные молодежные субкультуры, такие как «тедди», «моды», «рокеры», «панки» и «скинхеды». В отличие от американских коллег, которые были сосредоточены на изучении девиантности, британские исследователи использовали методологию неомарксистского классового подхода для объяснения причины возникновения и функционирования конкретных молодежных субкультур на территории послевоенной Англии, а не молодежных субкультур «вообще».

Исследователи рассматривали британские субкультуры как попытку молодежи, принадлежавшей к рабочему классу, с одной стороны, бороться против культурного порядка в своей среде с ее экономической нестабильностью, безработицей, высоким уровнем алкоголизма, низкими стартовыми условиями вхождения во взрослую жизнь, а с другой — противостоять тотальной гегемонии буржуазной культуры, ее дисциплинарности, осуществляемой посредством властных полномочий полицейских, учителей, боссов, религиозных лидеров и других авторитетов [15, р. 575]. Сопротивление молодежи этим двум культурным порядкам выразилось в выработке новых субкультурных стилей, интерпретацией и семиотическим анализом которых занимались культурологи и социологи СССР.

Постсубкультурный подход: теоретические и методологические традиции

Впервые понятие «постсубкультурный» было использовано А. Чэмберсом в конце 1980-х годов, однако популярность этот термин приобрел благодаря Д. Магглтону [10]. В самом общем смысле под «постсубкультурными исследованиями» Магглтон понимает совокупность работ, критически переосмысливающих наследие Бирмингемского центра современных культурных исследований [10, р. 3—23]. Постсубкультурный подход к изучению молодежных сообществ предполагает отказ от понятийного аппарата СССР, прежде всего от основного понятия «субкультура», и направлен на формирование качественно новых методологических установок в рамках анализа современных культурных феноменов.

Безусловно, постсубкультурный поворот в социологии молодежи стал закономерным следствием развития постмодернистской социологической традиции. В работах У. Бека, Ж. Бодрийяра, З. Баумана, Э. Гидденса и других специфика современного общественного порядка описывается в категориях фрагментарности, текучести, нестабильности, гибридности, гетерогенности, размывания границ, индивидуализации жизненных стилей, усложнения процессов самоидентификации, которые стали ключевыми для интерпретации современных молодежных (пост)субкультурных объединений. Во вступительной статье к программному сборнику «The Post-Subcultures Reader» Магглтон называет

трех авторов — П. Бурдьё, Д. Батлера и М. Маффесоли, чьи социологические концепции оказали существенное воздействие на взгляды его коллег и стали теоретическим фундаментом постсубкультурных исследований [10, р. 5].

Современная молодежная сцена, по мнению Д. Магглтона и Р. Вайнцирля, больше не может быть прочитана с помощью концепта «субкультура», который трактуется как формация, имеющая четкие границы, специфику и неизменную сущность и основанная на дихотомическом противопоставлении мейнстрима и неформального молодежного пространства [10, р. 7]. Субкультурная теория, таким образом, оказывается одним из тех метанарративов, недоверие к которым высказывалось в рамках постмодернистского философского и социологического дискурсов. Современные субкультуры характеризуются гораздо более сложными отношениями с культурой в целом, чтобы можно было выстраивать аналитику, опираясь на идею простого противостояния. В современном глобализирующемся мире идеи, стили, музыка, технологии и капитал включены в сложную систему взаимодействий и взаимовлияний, обеспечивая размывание границ между «мейнстримом» и субкультурными формированиями. Это размывание происходит по двум векторам. Во-первых, субкультуры середины XX столетия рассматривались как «героические» — подразумевалось, что они являются манифестацией молодежного сопротивления порядку капитала, а их самовыражение в сленге, досуге, стиле одежды и музыкальных предпочтениях интерпретировалось исследователями как «воображаемое» или «магическое» решение (термин П. Козна) проблемы классовой субординации [16]. На самом деле не только современные молодежные субкультуры, но и часть субкультур «героической эпохи» были и остаются включенными в экономические процессы. Например, байкеры, сноубордисты и виндсерферы активно выражали свои потребительские амбиции с самого начала существования этих движений. Таким образом, субкультурные практики всегда стимулировали развитие новых медиа, моды и культурных индустрий, и их противостояние «мейнстриму», как и линия демаркации между двумя культурными сферами, является иллюзорным [10, р. 9]. Во-вторых, сторонники субкультурного подхода рассматривали медиа как фактор, причастный враждебному субкультурам порядку капитала и коммерции, в то время как в современном мире роль медиа диаметрально противоположна: обзоры «субкультурных» событий, концертов, фестивалей, «сенсационные» репортажи об эпатажном поведении, внешнем виде молодежи — все это не только поддерживает, но и конструирует субкультурные идентичности [3, р. 117].

М. Маффесоли и Э. Беннетт: субкультуры или неоплемена?

Критическое переосмысление субкультурной парадигмы явилось причиной поиска нового аналитического инструментария для описания молодежной культуры. Одним из таких инструментов стало понятие «tribus» в

значении «племя», введенное в социологический тезаурус французским социологом М. Маффесоли и активно используемое одним из ведущих теоретиков постсубкультурных исследований Э. Беннеттом.

С помощью термина «tribus» Маффесоли описывает новые формы социальности, которые можно понимать как посттрадиционные. В ситуации постмодерна групповые идентичности не могут больше формироваться при помощи классических структурных признаков, таких как класс, гендер или религия, скорее потребительские практики и поведенческие паттерны дают возможность индивидам создавать новые формы организации. В современном обществе «индивид» трансформируется в «персону», наделенную полифункциональными «масками», а «группы» или «организации» превращаются в «племена» — спонтанные, неустойчивые, динамичные и гибкие консолидации социальности. В отличие от индивида, персону не выполняет какую-то одну определенную функцию. Меняя сценические костюмы, «театральные маски», играя каждый день разные роли, персону обладает гораздо большей, чем изолированный, замкнутый индивид, способностью «преступать» границы своей индивидуальности и сливаться с общностью, к которой принадлежит [15, p. 119]. Индивиды могут объединяться для достижения потребительской цели, а затем вновь рассеиваться, переходя в состояние фрагментированной анонимности. Племя существует вне «ригидности» форм организаций, к которым мы привыкли, оно скорее относится к определенному окружению, среде, умонастроению и может быть выражено через стили жизни» [6, p. 98]. Племя как новая форма социальности поддерживает интерсубъективность, множественность, текучесть и отвергает точность, четкость и фиксированность групповых идентичностей. В отличие от племен традиционных культур, современные племена образуются не по принципу кровного родства, а на основе аффективного единства, внезапно вспыхнувшего интереса, удивления, совместно пережитого эмоционального волнения, страсти [18, p. 116]. Предметом интереса и коллективного переживания членов таких новых племен могут быть мода, спорт, музыка, сериалы, игры. Племена обретают физическое воплощение во время фестивалей и карнавалов, митингов, политических собраний, формируют музыкальные субкультуры, спортивные толпы, заполняют пространство виртуальных чатов, блогов или пабликов в Интернете. Племенная структура подчеркнута процессуальна: она никогда не завершена в пространстве и времени, постоянно находится в состоянии становления и распада.

Э. Беннетт, анализируя структуру танцевальной молодежной сцены Нью-Йорка, декларирует схожесть музыкальных молодежных сообществ с нео-племенами, описываемыми Маффесоли. В своих композициях клубные диджеи, отмечает Беннетт, используют музыкальные фразы из, казалось бы, стилистически несовместимых музыкальных традиций. Музыкальная продукция, производимая ими, оказывается абсолютно эклектичной: так, на рейв-вечеринках диджеи чередовали цитаты из рок- и

поп-хитов, и это инородное вторжение в рейв-саунд не вызывало негативной реакции у слушателей. Тем самым формировалась особая форма музыкального потребления, в рамках которой впечатление и эмоции, возникающие под воздействием музыки, для аудитории важнее, чем стилистически выдержанный музыкальный континуум. Беннетт приходит к выводу, что музыкальные вкусы молодежи гораздо более подвижны, нестабильны, изменчивы и в гораздо меньшей степени коррелируют с «ригидными субкультурными параметрами», чем считалось раньше. Потребление музыкальных продуктов оказывается чрезвычайно эклектичным. Беннетт полагает, что эклектичность и изменчивость характеризуют молодежную культуру в целом [7, p. 612], по его мнению, молодежь перестала визуализировать свои музыкальные вкусы посредством имиджа, одежды, прически, аксессуаров и декорирования тела. Таким образом, свободно меняя музыкальные предпочтения в зависимости от события (концерт, вечеринка, танцпол в клубе и т. п.), молодые люди одновременно демонстрируют гибкость и свободу в выборе идентичности. Беннетт приходит к выводу, что современные формы коллективного присутствия и взаимодействия молодежи структурированы не по субкультурной, а по племенной модели [7, p. 614].

Критика постсубкультурного подхода и концепции неотрайбализма — назад к субкультурам?

Постсубкультурный подход в свою очередь критикуется представителями классической субкультурной парадигмы, которые полагают, что она вполне работоспособна и при обновлении и некотором усовершенствовании ее методологического аппарата может быть использована для анализа современных молодежных сообществ. Как отмечают Т. Шилдрик и Р. Макдональд, постсубкультурные исследования, несомненно, обладают рядом достоинств, но не лишены и существенных недостатков. Во-первых, они ограничены довольно узкой тематикой, а именно, сфокусированы на обсуждении танцевальных, клубных и музыкальных культур, а также на анализе стилевых предпочтений молодежи. Во-вторых, авторы постсубкультурных исследований, отрицая роль классовой принадлежности в процессе формирования субкультур, игнорируют факт социального неравенства в молодежной среде. Шилдрик обращает внимание на то, что постсубкультурные исследования редко содержат эмпирические данные об экономическом положении исследуемых групп молодежи, не содержат информации о трудоустройстве, образовании молодых людей, оставляют за скобками вопросы дохода. Те исследования танцевальных и клубных субкультур, в которых хотя бы косвенным образом фиксировалась классовая принадлежность информантов, демонстрируют, что изучаемая молодежь в основном принадлежала к среднему классу [19, p. 7]. Это означает, что культурные практики, практики потребления и стратегии самоидентификации молодежи, принадлежащей к рабочему классу, а также маргинализованной молодежи и молодежи,

находящейся в сфере риска, почти никогда не становятся объектом постсубкультурных исследований. Таким образом, апологеты постсубкультурного подхода фактически ставят знак равенства между танцевально-музыкальной клубной культурой, которая на самом деле представлена меньшинством, и молодежной культурой в целом, оставляя за рамками рассмотрения жизнь и досуговые практики «среднего» большинства, создавая тем самым неполный и фрагментарный портрет молодежной культуры современности.

Постсубкультурный подход стремится отмежеваться от традиций школы CCCS и рассматривает современные молодежные объединения как более текущие, подвижные, обусловленные индивидуальным стилем жизни и практиками потребления, которые более не зависят от классовой принадлежности. Для постсубкультурных исследований молодежная культура стала внеклассовой несмотря на то, что те жизненные фазы, которые предшествуют молодости и следуют за ней, по-прежнему остаются в пределах социальной стратификации. Однако Шилдрик и Макдональд полагают, что классовая принадлежность и социальное неравенство в молодежной среде продолжают оказывать влияние как на досуговые практики молодежи, так и на процессы формирования идентичности, которые находятся в тесной связи с семейными траекториями, биографией и другими классическими структурными признаками — социальным происхождением, этничностью, гендером, местом проживания [19, р. 8]. Возможности молодых людей, принадлежащих к разным социальным группам, принять участие в тех или иных культурных практиках и реализовать потребительские стратегии сильно разнятся, как отличаются и их стартовые условия вхождения в жизнь, условия доступа к социально-культурным ресурсам.

Исследователи отмечают, что в последнее время появились социологические труды, которые демонстрируют, что не все молодые люди приобщены к новой глобальной молодежной культуре эпохи постмодерна, что существуют сегменты молодежного пространства, полностью исключенные из клубной/музыкальной жизни. Это дает возможность Шилдрику и Макдональду говорить о возникновении своеобразного «постпостсубкультурного подхода», для которого характерна более взвешенная и целостная трактовка феномена молодежной субкультуры [19, р. 17].

Помимо критического осмысления методологических особенностей постсубкультурного подхода критике подвергается и категориальный аппарат, в частности обсуждаемая концепция неотрайбализма и замена классического понятия «субкультура» термином neo-tribe. Так, например, П. Ходкинсон, анализируя сообщество готов через самопрезентацию готической субкультуры в социальных сетях, блогах и Живом журнале, приходит к выводу, что термин neo-tribe в этом случае не применим и что его использование для интерпретации молодежных сообществ должно быть весьма избирательным [22, р. 5]. Ходкинсон отмечает, что необходимо проводить различия между теми группами, которые отличаются эфемерностью, недолговечностью, расплывчивостью границ, и группами,

демонстрирующими высокий уровень согласия, постоянства, солидарности, поддерживающими оппозицию «свои-чужие» и сохраняющими свои сущностные характеристики. Согласно Ходкинсону, коллективные он-лайн ресурсы, которыми пользуются представители готической субкультуры, предоставляют возможность для ежедневного доступа к субкультурной информации, чатам, блогам, объявлениям о концертах и встречах, тематических вечеринках и тусовках в клубах, что позволяет молодым людям интенсифицировать собственное присутствие в субкультуре [21]. Исследуя логику он-лайн коммуникации в Живом журнале и специфику оф-лайн общения, Ходкинсон показывает, что интернет-коммуникации способствуют все более тесному укреплению связей внутри готического сообщества, эти связи расширяются в основном в пределах субкультуры готов, не допускается размытие границ между готами и другими неформальными молодежными группами. Современное готическое сообщество оказывается довольно замкнутым, поэтому Ходкинсон утверждает, что «субкультура» остается единственным релевантным термином для прочтения этой молодежной группы [20, р. 195].

Д. Хесмондхал критикует как понятие «субкультура», так и заменившее его понятие «neo-tribe», которое использует Э. Беннетт. Как мы видели, «субкультура» в теории Беннетта связывается с фиксированностью и ригидностью, а «neo-tribe» — с нестабильностью и текучестью. С точки зрения Беннетта, фиксированность и ригидность ассоциируются с классическим языком структурного марксизма и с понятием класса, тогда как неотрайбализм предполагает нестабильность и временную природу социальных групп. Хесмондхал, признавая, что представители CCCS действительно переоценивали четкость границ и постоянство групповых субкультурных идентичностей, рассматривает такое противопоставление ригидности и текучести как излишнюю поляризацию альтернатив, которая не способствует прогрессу в исследованиях. Необходимо выяснить, каким образом устанавливаются границы недостаточно простого допущения о том, что на самом деле эти границы более размыты, чем предполагалось ранее. Д. Хесмондхал отмечает и тот любопытный факт, что термин «tribe» — «племя», изначально несет в себе коннотацию жесткой фиксированности и ригидности традиционного способа организации социальности [23, р. 26]. Не видя возможности возвращения к понятию субкультура, Хесмондхал, однако, сомневается и в описательных возможностях новой терминологии.

Непрекращающиеся изменения социальных ландшафтов современности приводят к значительным трансформациям в сфере молодежной культуры. Проблематизация и дальнейшее исследование описательных возможностей классического и новейшего категориального аппарата пост/пост/суб/культурной теории является необходимым условием более глубокого понимания механизмов самоидентификации молодежи, уяснения логики консолидации молодежных сообществ и специфики их потребительских стратегий и культурных практик.

Список литературы

1. *Straw W.* Systems of Articulation, Logics of Change: Communities and Scenes // *Popular Music. Cultural studies.* — 1991. — 5 (3).
2. *Straw W.* Scenes and sensibilities, Public. — 2001. — vol. 22/23.
3. *Thornton S.* Club Cultures: Music, Media, and Subcultural Capital, Middletown, CT: Wesleyan University Press, 1996.
4. *Miles S.* Youth lifestyles in a changing world. — Buckingham, UK: Open University Press, 2000.
5. *Chaney D.* Lifestyles. — London: Routledge, 1996.
6. *Maffesoli M.* The Time of the Tribes: The Decline of Individualism // *Mass Society*, trans. D. Smith. — London: Sage, 1996.
7. *Bennett A.* Subcultures or Neo-Tribes?: Rethinking the Relationship Between Youth, Style and Musical Taste, *Sociology*, 1999. — 33(3).
8. *Robards B., Bennett A.,* MyTribe: Postsubcultural manifestations of belonging on social network sites. Griffith University, *Issue of Sociology*, 2011, 45(2).
9. *Singh. A.* Live, Streaming Subculture, Springerin, 2000.
10. *Muggleton D., Weinzierl R.* What is "The Post-subcultural Studies Anyway? // *The Post-Subcultures Reader* / Ed. D. Muggleton, R. Weinzierl. — Oxford: Berg, 2003.
11. *Readhed S.* The Clubcultures Reader: Readings in Popular Cultural Studies. — Oxford: Blackwell, 1997.
12. *Омельченко Е.Л.* Молодежный вопрос: поворот к исследованию новых молодежных солидарностей (вступительное слово) // *Социологические исследования.* — 2013. — № 10.
13. *Омельченко Е.Л.* Субкультуры, поколения, солидарности? К вопросу концептуализации новых форм коммуникации в молодежной среде // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 кн. / отв. ред.: Е.Г. Ясин. — М.: Издат. дом НИУ ВШЭ, 2012. — Кн. 3.
14. *Williams J.P.* Subcultural Theory: Traditions and Concepts // *Polity Press. UK.* 2011.
15. *Williams J.P.* Youth-Subcultural Studies: Sociological Traditions and Core Concepts // *Sociology Compass.* — 2007.—Vol. 1, № 2. — P. 572—593.
16. *Cohen P.* Subcultural Conflict and Working Class Community. *Working Papers in Cultural Studies: 2 University Birmingham*, 1972.
17. *Алиева Д.Я.* Парадигматические сдвиги в социологии повседневности: концепция Мишеля Маффесоли // *Социологический журнал.* — 1995. — № 1.
18. *Maffesoli M.* The Return of the Tragic in Postmodern Societies // *New Literary History.* — 2004. — Vol. 35, 1.
19. *Shildrick T.A., MacDonald R.* In Defence of Subculture: Young People, Leisure and Social Divisions // *Journal of Youth Studies.* — 2006. — № 9 (2).
20. *Hodkinson P.* Goth: Identity, Style and Subculture. — Oxford, Berg, 2002.
21. *Hodkinson P.* Net. Goth: Internet Communication and (Sub) Cultural Boundaries//*The Post-Subcultures Reader*, Muggleton D. and Weinzeirl R. (eds). — Oxford: Berg, 2003.
22. *Hodkinson, P.* Youth Cultures: A Critical Outline of Key Debates// *Hodkinson, P. and Deicke, W. (eds.), Youth Cultures: Scenes, Subcultures and Tribes.* — New York: Routledge, 2007.
23. *Hesmondhalgh D.* Subcultures, Scenes or Tribes? None of the Above // *Journal of Youth Studies.* — 2005. — Vol. 8, № 1.

УДК 130.2

ББК 71.0.—04.05

Л.М. ГАВРИЛИНА

ТОПОФИЛИЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПОВОРОТ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

Анализируются культурные изменения и их отражение в социально-гуманитарном знании. Рассматривается топофилия как явление культуры и как исследовательская стратегия. Культурный поворот в географии соотносится с пространственным поворотом в социально-гуманитарном знании как части более общих парадигмальных изменений, происходящих в современной культуре.

Ключевые слова: культурный поворот, пространственный поворот, пространство, топофилия, место, локус, локальный текст, образ места, роман места.

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

А.С. Пушкин

Связь человека с местом его обитания загадочна, но очевидна. Ведает его известный древним genius

loci, гений места, связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной силой.

П. Вайль

Во множестве своих сот пространство содержит сжатое время. Для того оно и предназначено.

Г. Башляр